

ВЛАД КОЛЧИН

МУЗЫКА КАК ШАНС

ПОБЕДИТЬ РАССЕЯННЫЙ СКЛЕРОЗ

РУКОПИСЬ, КОТОРАЯ ПОКОРИЛА РУНЕТ

Звезда Рунета

Влад Колчин

**Музыка как шанс. Победить
рассеянный склероз**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колчин В.

Музыка как шанс. Победить рассеянный склероз /
В. Колчин — «АСТ», 2016 — (Звезда Рунета)

ISBN 978-5-04-015596-5

Нашу жизнь многое определяет: детские травмы, как физические, так и психологические, наши увлечения, хобби. Это история о том, как музыка спасла известного музыканта, Влада Колчина, которому поставили диагноз рассеянный склероз. Украденный велосипед, невыученные марши в армейском оркестре, выступления в местном кабаке Уфы на пару с второкурсницей Земфирой, белый рояль Дмитрия Гайворонского, списанные конспекты у Тани Долгополовой, знакомство с Джерри Кимом, прогрессирующая болезнь, диагноз, слепота и невероятная утомляемость, запись на студии «ДАТ», одобренный кредит на лечение, спасительный лес, трансплантация костного мозга и много, очень много музыки... История на 24 тональности. История о желании жить и творить, и о том, что второе рождает первое. Книга «Музыка как шанс» – это стечение обстоятельств под аккомпанировку саксофона, это удивительная история о том, что диагноз – это не приговор.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-015596-5

© Колчин В., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Здравствуй, Человек!	6
1. Не мы такие, жизнь такая, вертеться надо. (C)	8
2. Уфа. (Am)	10
3. Женский вопрос. (G)	13
4. Училище. (Em)	17
5. Как я не подходил к воинской службе. (F)	19
6. Пруха. (Dm)	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Влад Колчин

Музыка как шанс. Победить рассеянный склероз

Здравствуй, Человек!

В этой книжке 24 главы — эссе. В аккурат по числу тональностей случайно совпало. Но речь пойдет не о тональностях. Это сложно, особенно для человека далекого от музыки. А о том, что как раз все может быть проще, чем кажется. Да, пожалуй о том. И еще — об этом...

Потому что без этого вообще ничего не бывает.

Ну-у-у, скажешь, напустил туману!

А я пропущу мимо ушей и продолжу: если без этого ничего не бывает, то и тумана без этого не бывает, и меня, и тебя, и сказать нечего. Да и некому.

Сколько себя в сознании помню, про это и в прозе, и в стихах, но особенно пошло в песнях, получается. А без этого ничего не получается вовсе.

Ну вот, собственно, ты и догадался о чем книжка. Да-да, об этом. Других-то тем нет.

А представь, что ты не нужен. Нет, не ты, как цельная, состоявшаяся личность, с большой буквы «Я», такое как раз часто бывает, тебе просто об этом не говорят. А ты, как тот, в смешной шапке, которая над школьным ранцем торчит, если твой вид сзади рассматривать. Представь, что он не нужен.

Он сегодня пятерку получил по предмету, по которому ему и тройка – праздник. Где-то выучил или узнал случайно и теперь домой спешит, рассказать, весь радостный – полностью! Еще и на «АБВГДейку» успевает по телевизору!

Вот он не нужен. Ему не так просто сказали, ему так сегодня сделали. И вчера. И после. И всегда.

Но книжка не о том, к счастью, а об этом.

Об этом уже романтические подростки посопливили, мудрые женщины потерпели, молчаливые мужчины поделали, а значит, и мне это слово совсем не обязательно произносить.

А когда будешь уходить – закрой поплотнее дверь. Только свет за собой оставь, не выключай.

1. Не мы такие, жизнь такая, вертеться надо. (С)

«Все относительно... А. Эйнштейн?»

...И вырваться из этого состояния невозможно. Все как тогда, когда я шел из парка Гагарина, и слезы лились ручьем. Ужас произошедшего как будто сковал голосовые связки ребенка, и я, задыхаясь от понимания своего горя, в равнодушной тишине хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Мне было шесть лет. Случилось то, о чем предостерегала моя бабушка:

– Владик, не ездь в парк, лисапет отымут.

Так и произошло. Этот кошмар еще долго по утрам посещал меня в момент пробуждения, до открытия глаз. В минуты пограничного состояния сознания – между сном и реальным миром. И теперь я знаю – где-то на метафизическом уровне болезнь началась тогда.

Мы жили в Стерлитамаке. В маленьком уютном, хоть и загазованном промышленном городке. Куда бы я ни попадал, я чувствовал любовь людей, которые были рядом. Много людей, и все меня любили: бабушка, пекущая блины и сладкие пирожки с морковкой, большая веселая семья, дед с пчелами, смешно разъясняющий физиологические отличия между мальчиками и девочками своему малолетнему внуку, собаки во дворе, охраняющие меня, – первые друзья. Сейчас это представляется таким трогательным...

Я рано научился кататься на двухколесном велике. Родственники подарили мне велосипед очень редкой модели – «Подросток». Он считался женским, поскольку у него не было перекладины посередине рамы, как у мужских «Подростков», и я мог на нем ездить, несмотря на мой маленький рост. Помню, как вскарабкиваясь на него, я часто бубнил себе под нос две какие-то выдуманные песенки. Первая – понятная всем окружающим, пионерская, патриотическая. Подобные песни звучали каждое утро по радио. А вторая – странная, совершенно не понятная никому и даже мне. Эта вторая, была заграничная, и она исполнялась на тарабарском языке. Такие песни наверняка пели в других, далеких, неизвестных мне странах, о существовании которых я мог только догадываться. С этим незамысловатым, но разнообразным репертуаром я использовал каждую свободную минуту, чтобы залезть на велосипед, и был этим счастлив.

Они были намного старше. Я сам отдал велосипед, когда попросили «покататься». Нет, испугаться не успел тогда. Какой-то мальчишка мелкий, чуть старше меня, крутился рядом, пытался помешать им, кричал: «Не давай, он угонит!» А его отталкивали взрослые. Где теперь 1 этот светлый мальчик?

По наивности и растерянности детской велосипед отдал им. Страх не знал тогда еще. Теперь знаю, но уже не страшно. Устал от него. Улыбаюсь. Кажется велосипед тот, отнятый, намного ценнее сейчас, чем жизнь. Потому что знаю – умереть – не самое страшное в жизни, а в страхах важен градус.

Что такое страх умереть перед страхом стать растением? Превратиться в биологический организм, из-под которого достают горшки, кормят из ложечки и выносят «гулять» на балкон как кактус...

Видеть, как от тебя уходят самые близкие, и совсем не по тому, что они черствые и равнодушные, а как раз наоборот – потому что в силу своей душевной близости к тебе, но невозможности помочь, от осознания своего бессилия в течение долгих лет, которое будет разрушать их, они предпочтут о тебе не думать.

И вот лежу я теперь в стеклянном боксе со шлангами в туловище и думаю себе: «А действительно ли от меня зависит принятие судьбоносных решений?» И «да», и «нет». Бояться

бесполезно. Да – вчера я своей рукой подписал согласие на трансплантацию костного мозга. Вызов, который я принял? Пожалуй – нет.

Этим врачам, почему-то верил. Хотел верить. Несмотря на то, что уже насмотрелся на человеческие пороки в белых халатах. Больные тяжелыми заболеваниями – это такие же Владики с велосипедами, а продавцы от медицины представляются теперь обычными гопниками.

Что они продают под видом дорогих лекарств, которые не лечат? Свою душу? Забавно. За наш счет. Видно, важные мы люди, раз некоторые даже душу свою без нас продать не могут. «Жизнь такая, вертеться надо»? Расскажите мне, какая у вас «такая жизнь». Обиды нет у меня. Да и не о том моя история.

2. Уфа. (Am)

«Как только закончили нацить, сразу – встречайте!»

Мы переехали из Стерлитамака в Уфу, когда мне было восемь. Отцу пришлось бросить музыку и поступить на государственную службу в МВД, поскольку на деньги, зарабатываемые игрой на баяне, прокормить семью было невозможно.

Жили мы рядом с его службой – больницей для заключенных, в коммунальном бараке с сумасшедшей соседкой преклонных лет, в двух комнатах площадью двадцать один квадратный метр с печкой, без горячей воды, на первом этаже, где вскоре родилась моя сестра.

Соседи наши были преимущественно люди хорошие, но в массе своей со слабостью к алкоголю.

Слабость эта была так сильна в них, что никак не давала нашему участковому капитану милиции забывать о существовании этой слабости у жильцов вверенного ему дома.

Не по этой причине он застрелился. Он застрелился, оттого что он, честный мент, не смог пережить позора, когда его сына посадили в тюрьму за торговлю наркотиками. Вообще, честные и порядочные люди в то время становились все больше не в чести.

Иногда, когда соседская слабость набирала предельную силу, отец, руководствуясь народной мудростью «С волками жить – по-волчьи выть», выпивал водки и выходил на тропу войны с человеческими слабостями и пороками, уча соседей хорошим манерам посредством выхода из себя. В гневе папа был не похож на Белоснежку в крайней степени.

Не то что бы беготня с топором по двору за соседями с целью прививания им хороших манер была доброй традицией, но необходимой профилактикой назойливости – несомненно.

Безумная соседка по коммунальной квартире писала на нас жалобы в милицию о том, как мы залазили в ее обвязанный веревками холодильник с целью похищать по сорок пачек чая за каждую вылазку, взамен подсыпая отраву в ее кефир. Бутылки из-под кефира бабушка по имени Мархаба периодически носила на экспертизы, что не препятствовало ей продолжать завязывать морские узлы на холодильном средстве, обеспечивая свою продовольственную безопасность. Мы часто встречались с нашим участковым на тем: «Для чего нам столько чая и чем нам помешала бабушка». Вскоре выяснилось, что Мархаба давно уже наблюдалась у районного психиатра, и мы вздохнули с облегчением.

Ничто не могло потревожить наш уютный, размеренный быт. Может только изредка я просыпался ночами, разбуженный унылым пением строевой песни курсантов школы младших сержантов, располагавшейся через дорогу от нашего дома. Самая громкая строчка их унылой песни звучала так: «Когда поют солдаты, спокойно дети спят». Я чувствовал себя счастливым, а благодаря сонному пению солдат, надежно защищенным.

Тогда я не понимал и не мог понимать, откуда у меня появилась тяга к лидерству, перемешанная с гипертрофированным чувством справедливости. Вокруг меня почти не было сверстников. Со взрослыми, как и всем детям, мне было всегда интереснее, чем с одноклассниками. Ну а младших я стремился защищать. Я был хорошим мальчиком с большими красивыми глазками, за которые учителя ставили мне отметки на балл выше, чем я заслуживал. То есть я был троечником.

Везде, где бы я ни появлялся, вокруг меня довольно быстро образовывался круг оберегаемых младших друзей и девочек. Одним из таких друзей был Владик Багин, с которым мы поделили двор на «нашу» территорию и весь остальной мир. Остальной мир периодически нарушал установленную нами границу. Мы с тезкой решительно выступали на защиту наших владений, и я дрался. Как и у всех детей подобного поведения, друзей у меня стало прибывать очень быстро. Их поток в наш дом не иссякал. У подъезда постоянно собирались

малолетние компании. Мать ругалась, что наша дверь не закрывается благодаря визитерам, хотя в ее возмущении прослушивалось плохо скрываемое удовольствие от такого положения вещей.

Как и большинство подростков, я рос уличным балбесом без определенных занятий и хобби кроме, тех, которые для меня время от времени придумывал отец. После того, как окончилась крахом его попытка обучить меня игре на баяне, он провозгласил лозунг: «Все! Никаких музык!» Ибо я проявил завидную неспособность к обучению и лень. Он нашел для меня радиотехнический кружок, чтобы меня чем-то занять, кроме «самбо-дзюдо», которым я занимался так же без особого энтузиазма.

Апофеозом этого предприятия было торжественное включение светомузыки, которую я собирал в течение двух лет, приведшее к сгоранию электропроводки во всем доме моего одноклассника, где и демонстрировался триумф технической мысли. Примерно в тот же самый период отец сдал меня в библиотеку имени «Н.К.Крупской», и я начал периодически, что-то почитывать.

Все шло своим чередом, и папа уже мечтал о «нашем» поступлении в Суворовское училище, когда бы не появление у меня очередного друга. Его звали Димка Онин. Мы познакомились в пионерском лагере, куда я был сослан по причине летних каникул, предполагаемого оздоровления и необходимости родителей отдохнуть хотя бы от одного ребенка. Димка играл на гитаре и был очень компанейским парнем. Он был душой любой компании. После того, как мое умение танцевать нижний брейк, модный в то время, в тряпки разорвалось перед его игрой на гитаре, я пришел к выводу, что мой творческий путь завел меня в тупик.

Приехав из пионерского лагеря, я поведал матери о таком ударе судьбы и желании учиться музыке. После чего мы тайком от отца приобрели в уфимском универмаге под креативным названием «Уфа» музыкальный инструмент типа «Гитара», выпущенный Уфимской мебельной фабрикой по цене 18 рублей 50 копеек за штуку, с гарантией. И впоследствии небезуспешно прятали оную под кроватью несколько месяцев кряду, памятуя о провозглашенном отцом лозунге: «Никаких музык!». Когда наш заговор раскрылся, я уже знал несколько аккордов, текст песни «Я буду долго гнать велосипед», а деньги за гитару вернуть было невозможно. Другими словами – дело было сделано.

В этот год я бросил свое «самбо-дзюдо» и пошел на рукопашный бой в «Военно-патриотический клуб». Это был конец 80-х годов. Мало кто осознавал из тогда живущих в стране, что за словами «военный» и «патриотический» уже мало что стоит.

У Ришата, так звали тренера, я сразу оказался в числе любимчиков, поскольку пришел к нему более менее подготовленным, в отличие от основной массы мешков. К тому же у меня было кимоно и скудное знание ударов из карате, переданное мне отцом, который увлекался этим видом единоборств.

На первой тренировке Ришат произнес речь: «Пока вы будете вставать в стойки, вас десять раз убьют». Дальше, я думаю, об этом спорте догадливому читателю рассказывать ничего не надо, потому как это был такой же спорт, как из лягушачьего хвоста – хвост.

После занятий мы ходили в городскую баню толпой подростков во главе с тренером. Он был весь полосатый как зебра от шрамов, на руке была пересажена кожа. Все говорило в этом человеке о его причастности к множеству экстремальных ситуаций, и все мы хотели быть похожими на него. Он был для нас старшим другом, способным решать любые проблемы.

Ришат был на короткой ноге с криминальными авторитетами, группировками спортсменов, держащими в страхе рыночных коммерсантов, милицией и даже чиновников. Как выяснилось впоследствии, бывший морпех Ришат числился в резерве КГБ, имел награды, ранения и неафишируемое офицерское звание. Нас мало интересовало, было ли создание подросткового клуба его заданием, имеющее (как я сейчас догадываюсь) под собою цель –

взять под контроль активную молодежь, или это было продиктовано его личным творческим порывом.

Он уезжал часто и неожиданно, так же как появлялись люди, заменявшие его на тренировках. По приезду Ришат ронял какие-то расплывчатые, многозначительные фразы о каком-то Карабахе, Прибалтике, о каких-то горячих точках и пропадал снова.

Я учился в восьмом классе средней школы, по-прежнему не выказывая никакой особенной заинтересованности к чему-либо, до тех пор пока не грянул очередной гром в моей жизни – я впервые влюбился.

3. Женский вопрос. (G)

«Все проблемы из-за безделья и баб, причем одно порождает другое...»

Прапорищик Хазиев

Оля Голубева обучалась в параллельном классе и была красивой девочкой, одновременно похожей на кавказскую пленницу из фильма «Кавказская пленница». Красную Шапочку из фильма «Красная Шапочка», гостью из будущего из фильма «Гостья из будущего» и Эмануэль из фильма... Ну, вы поняли... Как следствие, за Олей ухаживали парни из старших классов. Я в этой ситуации был объективным лузером, несмотря на активное участие в школьной самодеятельности в качестве гитариста.

Она не замечала меня! Частые подсылания к ней моих друзей с букетами не достигали ожидаемого успеха. Оля состояла в комсомольском комитете школы, и мне пришлось вступить в комсомол из-за нее. Все тщетно! Плодов мои усилия не приносили.

Оставалось одно – страдать. Либо второе – страдать и что-то делать.

В следующем году комсомол прекратил свое существование, а я и безответная любовь остались. И с этим нужно было как-то жить. До сих пор достоверно неизвестно – являлся ли я «всадником апокалипсиса» для комсомольского движения Союза Советских Социалистических Республик, или нет, но то, что первая, безответная, любовь пробудила во мне желание петь – это факт.

Сия сублимированная энергия не замедлила принести свои, несомненно, полезные дивиденды.

Во-первых, я начал сочинять песни, а во-вторых, я стал чаще драться. По поводу второго нужно сделать оговорку. Двухметрового роста я никогда не был и, надо признать, богатырского телосложения тоже. Обычно меня попросту били. Но поскольку амбиции защищать всех и каждого требовали реализации, «обиженных» я находил довольно быстро, вне зависимости от того, считали обиженные себя «обиженными», или нет. А там и до обидчиков добраться было можно. В этом месте повествование так же требует ремарочки.

Я был страстным поклонником Виктора Цоя и, посмотрев фильм «Игла», где он играл роль последнего героя, хотел быть похожим на него, и крушить злодеев оптом, опровергая расхожее мнение общественности о том, что «последний» герой Виктор, а не я. Местные злодеи были не в курсе моего мотива и крушиться не соглашались.

Я не отчаивался и находил себе все новые приключения. Донкихотство было вопиющее и осложнялось подростковой реактивностью, несмотря на то что порой было страшно, а потом зачастую больно.

Все это действо проходило на фоне разрушающегося СССР, со всеми последствиями краха прежних институтов власти. Комсомольские лозунги с легкостью заменялись воровскими понятиями. Стиль общения из «торжественно-истеричного» превращался в «бывало-усталый».

И пока государственная система разваливалась, будущее страны сидело на корточках во дворах, учась плевать через губу, ботать по фене, а также раскидывать и распутывать рамсы.

Среди моих друзей были музыканты, гопники и неопределившиеся балбесы.

В поисках своего места в новорожденном демократическом обществе, однажды я даже пошел на гоп-стоп со своими приятелями, которые иногда практиковали эту форму познания окружающего мира. Нас было трое, нам было весело, мы поймали ночью какого-то бедолагу, забрали у него часы и деньги. Я ничего из этого себе не взял. Впоследствии мне было стыдно

об этом вспоминать. Если бы он стал защищаться, я бы упал сам сразу, причем от стыда. Доблести, а впоследствии и оправданий нашему поступку я не находил. Больше такого не повторялось никогда.

Уголовная романтика не была мне близка. И не потому что я какой-то особенный... А почему 1 это кстати, я не особенный? Конечно особенный!

Во-первых, я так сам считал. Во-вторых, так считали многие, кто меня знал, а знали многие. Как я этого добился? Внимание, рассказываю, как добыть славу в пятнадцать-семнадцать лет.

Я довольно быстро понял, что в ситуации, когда в моей компании выдающихся бойцов нет, да и сам я не Илья Муромец, необходимо что-то противопоставить кодам себе подобных. Я решил вырубать всегда самого борзого. Такая тактика не безболезненно, но приносила свои плоды. А слухи, обрастаемые небылицами, мгновенно распространяются среди подростков сами собой.

Были, конечно, и негативные стороны, но мама уже знала названия необходимых медикаментов, способы их применения и дозы, а таз для ночного блевания после очередного сотрясения мозга всегда стоял под кроватью. Желтый.

Когда после провальных выпускных экзаменов в школе стало ясно, что ни в какое Суворовское училище я не попаду, отец устроил меня в радиотехнический колледж, откуда я в свою очередь был изгнан за систематические прогулы и поведение, недостойное гордого звания радиотехника. Вместо лекций я посещал актовый зал, где мы с друзьями почти каждый день что-то репетировали. У меня была дама сердца, пусть она была не со мной, но песни придумывались, и когда-нибудь она обязательно должна была обо мне узнать и, вырывая волосы со своей головы, воскликнуть: «Боже, как же я была слепа!» Да. Так я думал.

В этот пубертатный период меня начала буквально преследовать одна особа. Я мало интересовался девушками, за исключением той единственной, о которой я уже неоднократно упоминал.

И тем не менее...

Женька тренировалась у Ришата и была его любимицей. Когда я появился на тренировках, Ришат стал больше времени уделять мне, а не ей, как было прежде. Она стала ревновать и, разумеется, все больше интересоваться новеньким. Девушка была стройная, красивая и дерзкая. Женька была мастером провокации. Она везде была звездой с талией пятьдесят пять сантиметров, я же был к ней равнодушен. Мой прозорливый читатель может без труда выстроить причинно-следственную связь наших дальнейших отношений.

Да, да, она приходила ко мне с толпой поклонников и звала гулять, подружилась с моими родителями, очаровала их своей заботливостью и хозяйственностью, нашла общий язык с моими друзьями, когда было нужно, она картинно падала в обмороки, в общем, как все звезды, актрисой она была прекрасной. Через год мы стали встречаться, но шахматные партии ее темперамента на этом не закончились.

Одним солнечным утром она пришла ко мне с подругой и позвала гулять в парк Якутова, простирающийся сразу за пустырем, примыкающим к свалке на окраине нашего двора.

Что такое был парк Якутова, образца 1990 года? Парк Якутова – это было место, в которое стекалась вся подростковая шушера с прилегающих районов. Оттуда «правильные пацаны» выдвигались на рынок «шакалить» (вымогать деньги, пояснение для тех, у кого не было детства) и туда же возвращались с добычей и рассказами о своих подвигах. С Моряковки подтягивались учащиеся «...» школы, из которой можно было перевестись только в детскую колонию или интернат для недоразвитых. Нижегородка не уступала своих позиций в формировании туристических групп в парк. Виднейшие деятели гоп-стопа с Карлухи были делегированы на пикники, где мечтавшие уйти в зону устраивали банкеты для тех, кто только

что из зоны пришел. Все эти партизанские отряды пили водку в кустах вокруг живописного озера. Особо успешные в этих кругах «торчали».

В общем, на планете Земля не существовало другого места, которое подходило бы как нельзя более кстати для прогулки юного Дон Кихота с двумя очаровательными особами, одна из которых была известная на всю округу вертихвостка и провокатор.

Наш беззаботный променад длился минуты три, когда Женька, увидев двух шпанят, коротко поведала мне историю о том, как именно они намеренно обозвали подруг женщинами легкого поведения, причем сделали это в неприемлемо грубой форме. Мне ничего не оставалось, как следуя традициям донкихотства, крикнуть молодым людям: «Эй, фуфелы, оба сюда подошли!»

Джентльмены, заподозрив неладное, поспешно ретировались, но у меня осталось стойкое чувство, что в данный момент они не знали, что возразить и ненадолго отлучились, дабы узнать нужные слова у старших и многочисленных друзей. Предчувствие меня не обмануло.

В скором времени появились еще четверо. Дружной компанией мы отошли в сторону, и присели на спинку скамейки. Кулеш, так звали моего нового оппонента, демонстративно натянул перчатку с металлическими шипами на правую руку, что меня не могло не порадовать. Понт был, конечно, красивый, но одна рука у него теперь стала не рабочая. При ударе эти самые шипы разворотили бы ему кулак. Ждать было нечего, и я начал первым. Он сидел слева от меня, я ударил быстро с разворота, и он упал. Остальные вспорхнули со скамейки, как голуби, и застыли в замешательстве. Кулеш встал, и бросился выдергивать кол, к которому было подвязано недавно посаженное, молодое дерево, и, вырвав его, тоже почему-то замер в нерешительности. Мы так стояли недолго. Периферийным зрением я заметил, как к нам с разных сторон подтягивались их любопытные друзья. В общем, очень скоро я почувствовал себя гвоздем программы на веселом празднике молодецкой удали. Сейчас не помню, как началось второе отделение. Помню только, как умудрялся несколько раз выпрыгивать из толпы, чтобы зацепить ударом кого-нибудь из несущейся на меня человеческой массы. В чем-то драться с кучей друг другу мешающих людей проще, чем один на один с кем-то. Все в суете, кто-то в растерянности. Каждый хочет отличиться, но ему обязательно мешает свой же. Одна проблема – долго это продолжаться не может. Я быстро оказался на земле, пытался язвить, выкрикивая: «Семеро одного не бояться!» когда внезапно наступила пауза. Меня подняли, и я увидел, как ко мне, ехидно пританцовывая на полусогнутых ногах, приближается мужчина неопределенного возраста, по пояс голый, с наколотыми на груди куполами и папиросой в зубах.

– Вий, епт... – пронеслось в голове. Изрядно шатаюсь, я почувствовал облегчение, решив, что сейчас будет разбор, и мне предложат сойтись раз на раз с обидчиками, как это бывало. Все оказалось не так. Он подошел, широко жестикулируя растопыренными пальцами и повторяя громким шепотом: «Тихо, тихо, тихо!» – ударил меня лбом в нос.

Потом не помню. Пришел в себя, когда никого уже не было. Резко вставать было нельзя. Я немного полежал, потом посидел, потом поднялся и, шатаюсь, поплелся домой.

Как мне рассказали позже, Женька бегала, в это время к Ришату, который жил поблизости, с целью получить решающее подкрепление. Но подкрепления не оказалось дома, а мобильных телефонов в ту далекую пору не существовало.

Это было очередное сотрясение мозга. Первое получил когда играли в «царь горы», и я ударился об лед головой, второе – когда я упал с велосипеда, потом мне «доставалось на орехи», потом я их считать перестал... Расхожее выражение: «Нашел на свою голову», – в моем случае нужно воспринимать буквально. Эта часть моего организма определенно пользовалась успехом у приключений.

Не прошло и трех дней, как я уже шел в парк вылавливать своих обидчиков. С одним из них получилось поквитаться, с другими ничего не выходило по простой причине: пере-

ловить их по одному не представлялось возможным, а соваться в те места, где они были в большой компании, было самоубийством.

Таким образом, финал истории повис в воздухе. И висел до тех пор, пока Женьке не захотелось погулять в парке снова. Отказаться от ее предложения идти в парк, означало выглядеть в своих и ее глазах трусом.

Я никогда не забуду этой сцены, как мы в задумчивости, наблюдали воодушевленный бег к нам на встречу толпы гопников человек в двадцать. Увидев нас на противоположном берегу озера, они бежали с угрожающим задором на лицах. Я пошел к ним навстречу с улыбкой и готовностью достойно погибнуть в недолгой потасовке. Может быть, за этой борзой улыбкой я прятал свой страх.

Закончив свой кросс, марафонцы равномерно рассредоточились вокруг меня. Но неожиданно, в момент, когда я искал, куда мне повернуться, чтобы за спиной никого не было, из общей массы выделился коренастый парень. По поведению окружающих я понял, что он в этой компании имеет авторитет.

– Зовут тебя как? – спросил он.

Я назвал свое имя. Он развернулся к своим и сказал:

– Кто с ним будет биться раз на раз?

Никто не вышел.

– У тебя какие к кому претензии?

– Никаких, – ответил я, не увидев среди парней тех, из-за которых завертелся весь сыр-бор.

– Я тебя с гитарой видел. Играешь?

– Да.

– Меня зовут Игорь. Какие будут проблемы здесь – мне скажи.

Через минуту в наш разговор вмешался его долговязый друг:

– Песню можешь подобрать?

Так я стал для них своим.

Друзьями мы с Игорем не стали, но приятелями, уважающими друг друга, бесспорно.

Впоследствии мне рассказывала Женька, что как-то случайно встретила Игоря. Он поздравил ее с тем, что у нее такой отчаянный парень, и «в уважуху» передал мне привет. В парк с тех пор я ходил, как к себе домой, а на женщин научился не обижаться.

4. Училище. (Em)

«Все продай, купи курай».

Настала осень. Ришат в очередной раз пропал, вместе с тренировками и баней. В колледже учиться не хотелось. Мы так же собирались в актовом зале вместо посещения лекций. Зимой я поругался с отцом и, взяв гитару, ушел из дома. Не долго думая, куда пойти, я отправился на другой конец города к своему другу Джонику.

Джоник славился своей веселостью, быстротой реакции, умением выносить ударом ноги дверь и обилием влюбленных в него девушек, несмотря на его внешний вид. На мачо Джоник был не похож. Но совершенно точно, что если бы любой заправский мачо был осведомлен о том, сколько было девушек у Джоники, то захотел бы стать Джоником. Помимо вышеперечисленных достоинств, Джоник был маленького роста, тощий, кудрявый, носил очки с толстыми линзами и умел обращаться с женщинами. Секрет его успеха был прост. Он их бил. Может быть, тогда мне следовало бы взять пару уроков его мастерства для упрощения дальнейшей жизни, но что-то меня останавливало. Возможно, недавнее комсомольское воспитание.

Потом я жил у своего приятеля по прозвищу Ленин, потом еще где-то... Бродяжничество продолжалось до тех пор, пока родители меня не выловили в актовом зале колледжа и не вернули домой.

Наконец, когда согретые первыми лучами мартовского солнца воробьи особенно громко призывали к обновлению все сущее, меня благополучно и окончательно изгнали из радиотехников, а у отца в очередной раз обновился вопрос: что со мной делать? Но поскольку человек он военный, думать долго ему было не свойственно...

Дело было поздним вечером. Точнее сказать ранней ночью, когда преподаватель по классу саксофона и по совместительству заведующий эстрадным отделением Уфимского училища искусств, Анатолий Богомолов, собираясь отойти к ежесуточному, оздоровительному сну, услышал звонок в свою дверь. Только его жене и Богу были ведомы комментарии преподавателя по поводу позднего, неожиданного визита. Открыв дверь, Анатолий Николаевич чуть было не лишился дара речи, увидев на пороге своей квартиры заместителя министра культуры Башкортостана в сопровождении человека в погонах.

Все оказалось не так страшно, когда гости предложили хозяину в трусах выпить принесенной ими водки и успокоиться.

Через неделю я начал осваивать музыкальный инструмент под названием саксофон. Так, среди местной гопоты и праздно слоняющихся по улицам бездельников появился саксофонист.

Рвения, как и прежде, к обучению я не проявлял. Обычно уроки заканчивались следующим образом: дверь аудитории с грохотом распахивалась, затем с характерным шелестом страниц вылетала моя нотная тетрадь, далее раздавалась бранная, высокохудожественная в литературном смысле характеристика меня как индивида, и наконец в дверях появлялся я.

Так было до тех пор, пока мне не попала запись американского саксофониста Бена Уэбстера. Я ничего не понял из услышанного, но звучание его саксофона меня заворозило. Это было странно и не похоже на то, что звучало вокруг меня. Я брал саксофон и пытался подражать ему, играя субтоном. Конечно же, все это было очень коряво и нелепо, но аппетит, как известно, приходит во время еды, и он пришел.

Несмотря на явное недоумение двух моих закадычных дружков – Длинного и Руслана – я начал заниматься. Через какое-то время преподаватель по джазовой гармонии и импровизации Анатолий Иващенко, поэт, художник и местный гений, дал мне послушать Джона

Колтрейна. А поскольку Анатолий был человек увлекающийся, особенно когда видел внимательный, непонимающий взгляд своего студента, он не останавливаясь на «достигнутом», принимался с еще большим жаром разрушать мой девственный мозг сложными аккордами пианиста Маккой Тайнера.

Для моего эрудированного в музыкальном смысле читателя не составит труда догадаться, что подобная система образования должна была привести студента, не знавшего на тот момент элементарных азов музицирования, по меньшей мере к суициду.

Таким образом, за один учебный год в мою пустую голову было запихано столько непонятного, что я чувствовал себя улиткой на выставке полимеров. Но чувство сопричастности к чему-то недостижимому для окружающих, а именно – Длинного и Руслана, уже прочно укоренилось в моем неокрепшем сознании. В сумме в моей голове все эти факторы являли собой полнейшую чушь, но она поднимала меня до уровня узкого круга «посвященных».

Наступил второй учебный год. Чуда не произошло. Ничего внятного сыграть на саксофоне мне не удавалось. Общественность в лице Длинного и Руслана активно противодействовала моему музыкальному росту футболом, картами, девочками и другими невинными шалостями.

Я продолжал придумывать песни в стиле, как мне тогда казалось, – «рок». Хотя в минуты творческих сомнений, закрадывалось подозрение, что русский рок мало чем отличается от русского шансона.

Несмотря на это, я смог склонить на сторону своего рока некоторое количество доселе не определившихся балбесов, имеющих гитары, и создать свою рок-группу.

Как бы все это не казалось смешным, концерты у нас бывали. Я испытывал волнение, выходя на сцену. Точно такое же, как тогда, когда я выходил на ковер или вставал в спарринг. Спортом я давно уже не занимался, а адреналин, приятно щекочуший нервы молодому и растущему организму, требовался. К тому же было приятно внимание девушек, а наличие и виртуозное владение саксофоном выдвигало меня на более выгодные позиции в женском вопросе, в отличие от позиций остальной общественности, а в частности – Длинного и Руслана.

Педагоги не ведали, что их подопечный уже являлся большим артистом малых сцен. И непременно выгнали бы меня из рядов студентов музыкального училища за неуспеваемость по Башкирскому языку и другим музыкальным дисциплинам, когда бы ни Родина, вспомнившая про мой гражданский долг и призвавшая меня в другие ряды.

5. Как я не подходил к воинской службе. (F)

«Никак».

В шестнадцать лет, по своей романтической глупости, я принес в военкомат наградные грамоты, свидетельствующие о завоевании мною призовых мест на соревнованиях. Вследствие чего Родина решила определить меня на службу далеко и надолго. Это было в шестнадцать. Теперь же, в восемнадцать, когда я познал славу подвальных сцен, служить в морской пехоте уже не хотелось. Несмотря на то что еще недавно это было одним из страстных желаний Ришата.

С подачи, как обычно, моего отца и преподавателей училища, я был определен на службу в военный оркестр в своем же городе. Я и саксофон сблизилась на почве маршей, которые я терпеть не мог, так же как и службу. Надо отдать должное службе, неприязнь была взаимной.

Не прошло и нескольких дней, как мне стало совершенно ясно, что для службы в армии я не подхожу. Так же, как я не подходил ни к радиотехническому, ни к комсомольскому, ни к воровскому образу жизни. Но как ни парадоксально во всех этих «общественных движениях» я чувствовал себя достаточно комфортно. Скорость адаптации была прямо пропорциональна скорости возникновения вокруг меня новых компаний.

Дирижера нашего оркестра – бравого майора нельзя было назвать человеком уравновешенным. На протяжении всей моей службы он грозился перевести меня в Безенчук, про который ходили пугающие слухи, сажал на гауптвахту (губу), на которой я в итоге ни разу не сидел, тряс каким-то, неведь от куда взявшимся пистолетом с требованием немедленно меня разыскать, но так никого и не застрелил. Другими словами, я никак не монтировался с армейским социумом, как собственно и с любым другим, с которым сталкивала меня судьба. Сейчас я понимаю, что в этом не было и нет моей заслуги. Это не было ни хорошо, ни плохо.

Я не выучил толком ни одного марша. Когда дирижер проверял, как музыканты играют свои партии, зная ритмические акценты и слыша гармонию данного произведения, я подставлял интервалы так, как мне нравилось. То есть импровизировал по гармонии в ритме данного марша.

К моему счастью, дирижер не обладал абсолютным слухом, и поэтому подобные выходки, как и многие другие, мне сходили с рук.

Мало того, прослужив полгода, я два раза в неделю стал убегать в город, чтобы играть вечером в дорогом ресторане. За один самоход я зарабатывал больше месячной зарплаты среднестатистического профессора философии любого государственного университета моей родины, что позволяло приносить блок сигарет и бутылку водки старшине оркестра, прикрывавшего мои отлучки.

Оркестр проживал в одной казарме с четвертой ротой курсантов вертолетного училища.

Одной зимней ночью после отбоя в казарму позвонил наш майор с требованием построить оркестр и провести повторную проверку. Только на этот раз ее должен был провести не дежурный по оркестру, которым был мой друг Илюха Головченко, а дежурный по роте курсантов. В результате, о моем отсутствии было немедленно доложено в штаб.

Возвращаясь в часть по «самоходной» тропинке, я ощутил неподдельную гордость за своих друзей, видя, что лопатами они владеют ничуть не хуже, чем музыкальными инструментами. Прямо перед штабом на фоне снегоуборочного оркестра стоял мой друг Славик по стойке «смирно» перед дежурным по училищу подполковником и что-то ему объяснял. Что связывало трубача оркестра Славика и подполковника Вертолетного училища, я в ско-

ром времени узнал. Когда оркестр построился перед штабом, первым делом потребовалось предъявить дежурному меня. Меня предъявить дежурному не представлялось возможным, ввиду моего отсутствия. Поэтому сообразительные друзья решили вместо меня предъявить Славика, предварительно заверив подполковника в том, что документы Славика, то есть мои, находятся у старшины, который сейчас спит у себя дома, а Славик, то есть я, из части никуда не отлучался, а был в клубе с целью ремонта нотного стана и чистки реприз, перед новогодним концертом, который в свою очередь предстоял нам через два дня. На вопрос подполковника: почему ремонт и чистку нельзя было произвести днем, я, то есть Славик, ответил, что нотный стан очень большой, репризы очень грязные, а некоторые даже вообще заржавели, поэтому дня не хватило. Неискушенного в музыкальных терминах почти полковника ответ Славика, то есть мой, удовлетворил.

С утра дирижер заговор раскрыл, и меня повели сажать на «губу», а Илюха был «награжден» несколькими нарядами вне своей очереди. Остальным оркестрантам раздали лопаты и отправили чистить снег на плацу. Мои же творческие планы на ближайшее будущее с воинскими были диаметрально противоположны. Вечером я должен был звучать на «жирной халтуре» в городе.

Идя под дружеским конвоем на губу, в нарушении устава караульной службы, между конвойным и арестованным случился неуставной, дружеский разговор:

– Ну ты че. Волк, отмазать не смог?

– Не мой косяк. Настучал кто-то.

– У меня «елка» в городе седня жирная... А еще завтра и послезавтра... Придумывай...

– Ты охренел?! Че придумывать?!

– Застрели меня из лопаты при попытке к бегству. Ну, или напиши рапорт, что я пропал без вести по состоянию здоровья.

На этой минорной ноте мы вошли в ворота гауптвахты.

– Почему рядовой привел? Без офицера не посадим, – раздался спасительный вердикт встретившего нас прапорщика.

Наш майор уже из части уехал, и я остался вдыхать сладостный воздух свободы.

В ночь с 27 на 28 декабря 1994 года оконные стекла нашей казармы дрожали так, как будто проходил концерт оркестра тубистов под управлением африканского слона.

– Где он?! – ревел майор, передергивая затвор газового пистолета перед лицом побледневшего дежурного по оркестру.

– Ты у меня год на тумбочке стоять будешь! В Безенчук! Застрелю!..

Зима выдалась снежная. Возвращаясь из «самохода» в часть, я увидел знакомую картину – оркестр чистил снег. На этот раз вокруг столовой.

На следующий день, майор отвел меня на «губу» сам. Легкомысленно недооформив мою посадку, он покинул территорию гауптвахты, оставив меня на попечение пресловутого Илюхи и прапорщика, дежурившего в тот день на «губе». Когда с меня сняли ремень, шнурки и кокарду, прапор сел за стол и начал оформлять документы.

– Медкомиссию прошли? – изрыгнул военный. В воздухе послышались запах вечерних денег и звук открывающейся бутылки нашим дорогим старшиной.

Илюха повел меня в медсанчасть. Я предчувствовал, что сегодня уйду от ответственности в ресторан. И действительно. Нужного доктора на месте не оказалось, и как нам сказали – сегодня и не предвидится. «Посадка» перенеслась на завтра.

Когда я ночью вернулся в часть, оркестр устало шаркал лопатами по голому асфальту.

– Тебя щас как путного на «губу» поведут, а нас опять на снежные работы... – обреченно прокряхтел уже ставший бессменным дежурный по оркестру.

– Ну, расстреляйте меня снежками! Я вам сигарет принес и водки к празднику.

И опять Илюха повел меня на «губу».

– Лампочки есть? – спросил старший наряда по гауптвахте.

– Какие лампочки?! – не зная, чего уже ожидать, простонал дежурный по оркестру.

– Стеклянные. Которые, если в рот затолкать – потом не вытащишь. Они еще в камерах перегорают, и потом там света нет. Как сейчас. А в темноте у арестантов клаустрофобия развивается. Боязнь Клаусов – слышал про такую? Ну вот. А у нас Новый год на носу. Ты че, Музобоз, хочешь нам праздник испортить?

– Нету лампочек! – хором ответили мы.

– Лампочки принесете – посадим.

Лампочек, как на зло нигде не оказалось. Как мы ни искали. Даже в футляре из-под очков майора.

30 декабря состоялся традиционный новогодний концерт, с ожидаемым оглушительным успехом и праздничным ужином по этому поводу. Увидев меня в составе оркестра, дирижер снова очень удивился, но было уже не до меня.

31 декабря пришел приказ из штаба – обеспечить чьи-то похороны, и нас отправили «на хмура».

А там и праздник Новый год, имеющий обыкновение стирать прошлогодние грехи повальным пьянством.

По чести сказать – майор наш был хоть и вспыльчив, но отходчив и понятлив. И о солдатах, как умел, заботился, а эгоцентричность уставом не запрещена. По сравнению со многими другими формами службы, моя была легкой. Как в любой службе, ситуации были разные, но вспомнить что-то ужасное об этом времени я не могу, благодаря, в том числе, нашему дирижеру и старшине. Шла первая чеченская война. Из Башкирии солдат в Чечню не брали, так нам говорили офицеры, уверяя, что у них есть какой-то договор черта с бесами. Поэтому некоторых солдат, по разным причинам, переводили за пределы Башкирии (например в Безенчук), а уж только потом отправляли в Чечню.

Как-то раз оркестр пополнили молодыми призывниками. Старослужащие, то есть солдаты моего призыва, решили их «воспитать». Я напомнил одному из них, что над нами «дедов» не было, когда мы «духами» пришли в часть. Слово за слово. Получилась знатная, с трудом разнимаемая, веселая массовая драка, в которую были вовлечены и солдаты сверхсрочной службы (контрактники). Это осталось бы невинной забавой, когда бы ни дошло до штаба. По совокупности моих предыдущих подвигов и подвигов еще двоих труженников скрипичного ключа, решено было перевести нас из Уфы в Безенчук.

Уже из штаба и приказ приносили о моем переводе, и постельное белье заставляли сдавать, но у Бога опять были свои планы по поводу меня.

Случилось так, что как раз накануне этих событий, по случайному совпадению умер некий полковник. На улице стоял мороз много ниже двадцати градусов. При такой температуре оркестр играть не мог. Но умерший герой был настолько геройский и уважаемый, что оркестру все же играть приказали. На морозе замерзали все духовые инструменты. Спирт, выдаваемый солдатам оркестра для заливки в инструменты в подобных условиях, до труб по понятным причинам не доходил.

У меня был саксофон сопрано. Он не замерзал и спирт ему был не нужен. В итоге – похороны прошли под аккомпанемент саксофона, двух барабанов и пары тарелок. Этот сомнительный шедевр музыкального искусства стал убойным аргументом нашего старшины перед вышестоящим начальством в пользу оставления меня в музыке.

Из нашего оркестра в Безенчук перевели только моего спарринг-партнера и другого проштрафившегося бойца. Про первого я впоследствии слышал, что он продолжил службу в похоронной команде, что позволило ему благополучно вернуться из армии и сойти сума. Про второго поговаривали, что он загремел в дизбат и больше ничего.

Незаметно пришла долгожданная весна моей демобилизации. Перед последним концертом оркестра с моим участием, когда музыканты уже сидели по группам и ждали начала, с характерной ему офицерской выправкой вошел наш майор. После команды старшины: «Оркестр смирно!» – майор обратился ко мне по имени-отчеству. Все замерли в оцепенении. Что-то вселенское читалось в повисшей тишине. Казалось, неосмотрительно рано проснувшиеся I армейские мухи, после долгой зимы, перестали жужжать. Чтобы меня на «Вы»! Все бы менее удивились, если бы он воткнул мне дирижерскую палочку в глаз на закате моей службы.

– Я Вам предлагаю контрактную службу, – чеканя слова, подчеркивая этим официальность предложения, произнес дирижер.

Мне показалось это таким же трогательным, как в детстве, когда дед, смешно задрав ногу, показывал мне под каким углом, в каком месте и что расположено у девочек.

Через несколько дней я получил свои документы в штабе с печатями и подписями о том, что родине на тот момент все долги мною были отданы.

6. Пруха. (Dm)

«Не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет».

Я восстановился на эстрадном отделении Училища искусств и зажил гражданской жизнью.

Я был молод, привлекателен и в будущее смотрел бодро. Дальнейшее мое существование мне представлялось беззаботным и праздничным. И ведь так оно и было!

В Училище я был местечковой звездой. Лекции я практически не посещал, в совершенстве овладев приемами отлынивания в армии. Думаю, мой многоопытный служивый читатель не станет возражать против утверждения, что армейский «сачок» десяти гражданских стоит.

Мне все прощалось еще и за то, что я играл на всех отчетных концертах эстрадного отделения Училища искусств и делал это с легкостью и удовольствием.

Еще в бытность службы в оркестре нам с коллегой по ресторанной работе, пианистом Мишей, понадобилась в компанию певица. Не мудрствуя лукаво, я пришел в Училище и спросил у друзей, не поступил ли на отделение кто-нибудь интересный...

Девочка, которую мне рекомендовали, поступила в этом году на вокал, сразу на второй курс. Несмотря на очевидную талантливость, никто тогда не думал предполагать в ней певицу, которая совсем скоро будет собирать многотысячные стадионы. Кроме нее. Я же в тот момент видел перед собой волчонка, в джинсах, маленького роста, со включенными волосами.

На мой короткий простой вопрос: «Пойдешь работать в кабак?» – я получил не менее простой и короткий утвердительный ответ.

На скорую руку мы слепили программу и через некоторое время работали уже в трио.

Так певица Земфира вышла к первому своему микрофону на профессиональной сцене.

Напомню моему смутившемуся читателю: профессиональная музыкальная сцена – это то место, где работают профессиональные музыканты. Профессия подразумевает зарабатывание денег. Деньги мы там зарабатывали, в дипломах о получении специальности было написано «музыкант», поэтому я называю это профессиональной сценой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.